

ДИПЛОМАТИЯ: КОММУНИКАЦИЯ И ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА

Достоинства и недостатки
современной дипломатии

Классики демократической дипломатии Ж. Камбон и Г. Никольсон очень беспокоились о том, какой должна быть современная дипломатия. Ж. Камбон с тревогой писал: «Дипломатия всегда будет иметь послов и посланников, но вопрос – будет ли она иметь дипломатов?».

Г. Никольсон считал одним из важнейших условий успеха дипломатии полную лояльность дипломата к правительству, которому он служит. Ту же мысль высказал и Ж. Камбон: «Лояльность дипломата должна внушать его собственному правительству такое доверие, чтобы его слова не вызывали подозрений».

У американцев есть поговорка: «Я за свою страну, права она или нет». Дипломат на то и дипломат, чтобы защищать интересы своей страны даже тогда, когда у него появляются сомнения в ее справедливости.

Другим основным условием успешной работы дипломата вообще, посла в особенности, является идеальное знание страны пребывания и ее политики. Послу надо подходить к самому себе с таким требованием.

Ж. Камбон выразил это так: знать страну – значит проникнуться ее духом, жить в атмосфере ее идей и научиться понимать связь ее внешней политики с внутренним положением.

Это хорошо понимал и президент США Дж. Кеннеди, который, отдавая себе отчет в том, какую большую роль играют во внешней политике страны послы, обратился к ним в 1961 г. со специальным посланием. В нем он подчеркивал, что дипломаты, прежде всего послы, должны хорошо изучать не только политику правительств, но и настроения народов, культуру и институты страны пребывания. Для этого он советовал дипломатам не только развивать тесные личные связи с официальными источниками и дипломатическими кругами, но и поддерживать контакты со всеми кругами страны пребывания.

В отличие от последующего «локалитиса», такая постановка предусматривала доверие к дипломатам и более или менее длительное их пребывание в стране, прежде всего послов. Считалось, что, если посол ведет дело хорошо, имеет устойчивые и полезные связи в стране пребывания, менять его на другого, у которого на установление доверительных контактов и изучение страны уйдет несколько лет, не следует.

Г. Никольсон писал: «Большинство писателей по вопросам теории дипломатии сходятся на одном – посол, который добился исключительных успехов в Тегеране, может оказаться неудачником в Вашингтоне» и, естественно, наоборот. Поэтому посла, добившегося успеха в Тегеране, не следует без нужды менять даже на способного дипломата, работавшего ранее в Вашингтоне.

П. Камбон, французский посол в Лондоне, способствовал сближению Франции и Англии и сыграл большую роль в деле создания Антанты, а также заключению Англо-русского соглашения 1907 г.

А прибыл Поль Камбон в Лондон в разгар обострения англо-французских отношений, когда французский военно-морской атташе в Лондоне писал в Париж, что Англия «хочет непременно начать войну» с Францией. К. Баррер был послом Франции в Риме 28 лет.

Однако впоследствии срок пребывания дипломата на одном месте был установлен Англией в три года. Такой же срок пребывания дипломатов за рубежом принят и в Соединенных Штатах. В Италии, например, в стране пребывания дипломат имеет право находиться не менее двух, но не более четырех лет. Германия тоже начала отказываться от трехлетнего срока пребывания дипломата за границей в сторону его увеличения.

Чем объясняется сокращение срока пребывания дипломата на одном месте? Американцы для объяснения этого подхода изобрели даже специальный термин – «локалитис», что равнозначно слову «localism» – местные интересы, местный патриотизм.

В современной дипломатии это явление воспринимается как «нарушение полной и абсолютной лояльности в отношении правительства, которому он служит».

Стало распространенным мнение, что у дипломатов, долго проживших за границей, будто бы теряется связь со своим народом, замечается тенденция отдавать предпочтение стране своего пребывания, переставать замечать ее недостатки. Будто бы наблюдается сращивание дипломата со страной пребывания, которой он начинает служить больше, чем своей стране, и, не желая иметь осложнений со страной пребывания, он отстаивает интересы своей родной страны не так строго, как это делал раньше. Американцы определяют эту «болезнь» как

«неосознанное стремление встать на защиту интересов страны, где они работают». Под этот тезис подводится и теоретическая база. Долго работающий в одной стране дипломат очень хорошо знает ее и, как говорил Сократ, «все знать – значит все простить». В этом случае дипломат, дескать, становится более рьяным католиком, чем сам папа римский.

Теперь давайте поговорим о национальном стиле как факторе политических переговоров.

Феномен социокультурной идентичности в фокусе политических переговоров

Благодаря сравнительным исследованиям политических антропологов на разных континентах в политическую науку прочно вошла идея уникальности и неповторимости политических форм и традиций разных народов, которые они должны сохранить и сберечь как особую ценность. Мир каждого человека имеет яркую социокультурную окраску, и сфера политического не составляет исключения. Поэтому на политических переговорах весьма важно понять человека политического как представителя определенной культуры и цивилизации. Национальный стиль отражает наиболее распространенные особенности ведения политических переговоров, которые характерны для представителей определенной страны. Сегодня, в эпоху глобализации, когда неуклонно растет число международных встреч и переговоров, мир становится все более тесным и взаимозависимым. Многосторонняя дипломатия и многосторонние переговоры стали повседневной политической практикой, появились постоянно действующие переговорные форумы по наиболее сложным проблемам мировой политики. При интенсификация переговорного процесса в современном мире происходит размывание национальных граней. Следствием этого становится взаимопроникновение национальных стилей в практику переговорного процесса. Поэтому важное значение приобретает изучение особенностей национальных стилей и их влияния на переговорный процесс, ведь главное на переговорах – это взаимопонимание сторон.

Известно, что каждая цивилизация развивает и культивирует в людях определенные личностные качества, и дети с раннего возраста усваивают эти культурные ценности благодаря социализации. Поэтому в зрелые годы, когда они садятся за стол переговоров, эти качества проявляются во многом подсознательно: ведь они вошли в плоть и кровь буквально «с молоком матери».

Американский социолог Н. Смелзер замечает, что американская культура утверждает такие ценности, как уверенность в себе, умение владеть собой и агрессивность, и именно так ведет себя за столом переговоров большинство американцев. В Индии традиционно сложились противоположные ценности: созерцательность, пассивность, мистицизм, – поэтому индусы очень внимательны к партнерам по переговорам и склонны вначале выслушать противоположную сторону. Известно также, что американцы обычно с уважением относятся к 500 «людям года», определяемых журналом «Fortune», добившихся выдающийся результатов в своей профессии, поэтому они превозносят харизму политических лидеров и их профессионализм. Индийцы же склонны с почтением относиться к религиозным и политическим деятелям, выступающим против насилия, здесь в большом почете высокие нравственные и этические качества.

Действительно, человек отождествляет себя с культурой, если разделяет ценности этой культуры как личные. Далее он должен отождествлять себя с социокультурными традициями, сознательно отвечая за их преемственность, передавая их из поколения в поколение. Это предполагает определенные архетипические формы поведения в ситуации социального взаимодействия. Известно, что краеугольным камнем западного сознания является индивидуализм, имеющий глубокие культурно-исторические корни. Западная цивилизация пережила Ренессанс, Реформацию, Просвещение, сделавшие человека мериллом всех вещей. Именно человек, его разум, его рациональность считаются здесь огромной ценностью. Лишь то, что создано человеком, имеет значение. Для западного общества всегда было важно понятие материального прогресса. Им правит принцип личной ответственности за

растущее благосостояние общества. И материальный прогресс поощряется обществом, уважается им. Эта идея была воспринята протестантизмом, который стал ведущей религией западной цивилизации. Человек в этой культуре живет, чтобы работать и создавать личное благосостояние, и благосостояние общества. В этом состоят наиболее общие основы социокультурной идентичности западного цивилизационного типа.

На «конфуцианском» Востоке стран азиатско-тихоокеанского региона сформировался еще один тип социокультурной идентичности. Здесь краеугольным камнем «конфуцианского» сознания выступает клановая солидарность. При отсутствии личного индивидуализма семью в этой цивилизации можно рассматривать как главную ячейку общества. Человек живет и работает ради семьи и вместе с семьей. Клановая солидарность – это такая могучая сила, которая сплачивает конфуцианские страны. А это в свою очередь рождает патриотизм, любовь к родине, желание трудиться во имя ее. Китайцы искренне верят, что все они произошли от одного предка, а японцы считают своего императора главой нации – семьи.

В России, на православном востоке, сложился совсем иной тип социокультурной идентичности. Православный мир не знал Реформации и Ренессанса. В российской культуре традиционно превыше всего ставилась вера, личность никогда не была важна по себе. В этом смысле православный мир основан на началах «реализма», а не «номинализма»: в нем явно преобладает приоритет общего над индивидуальным. Поэтому в российском обществе очень мало личной инициативы, ее традиционно ждут «сверху», в нее «верят» (коммунизм когда-то тоже был «верой»). Человек в этой культуре готов поверить в идею и служить ей.

Социокультурная идентичность и политическая позиция

Несомненно, социокультурная идентичность является инструментом политики на переговорах. Процесс идентификации с социокультурной общностью – на уровне социальной группы, государства, цивилизации (культуры) – в той или иной мере происходит в психике любого человека. Однако у политиков, и особенно у политических лидеров, такой процесс особенно ярко выражен и даже акцентирован в ситуации международных политических переговоров.

Интересно, что способы идентификации во многом зависят от исторической эпохи, политической системы и политической идеологии. В период Античности политический деятель идентифицировал себя с общиной свободных граждан полиса, поскольку гражданское общество и государство еще не были разделены. В эпоху Средневековья источником политической власти признавался божественный промысел, власть считалась дарованной Богом, и монархи идентифицировали себя уже не столько со своими подданными, сколько с институтом государства. Это нашло выражение в знаменитой фразе Людовика XIV: «Государство – это я!». В тоталитарных государствах XX в. отождествление национальных интересов с государственными достигло предельного уровня. Пожалуй, сегодня с таким апломбом на политических переговорах выступают только китайские, северокорейские и кубинские лидеры. Политик в демократическом обществе сохраняет свою идентичность с институтом власти – государством. Демонстрация и утверждение «державности», мощи государства часто выступают приоритетной целью современных демократических лидеров. Сколько военных конфликтов провоцируется, чтобы отстоять или продемонстрировать престиж государства! Достаточно вспомнить Карибский кризис, конфликт из-за Фолклендских островов, войну в Персидском заливе. Сегодня претензии США на роль глобального лидера, способного очертить «ось зла» и начать антитеррористические операции без санкции международных организаций, стали серьезной проблемой мировой политики. Иракский кризис демонстрирует неспособность современных миротворческих институтов и международных организаций эффективно разрешать кризисные ситуации. Можно утверждать, что социокультурная самоидентификация политика в демократическом обществе происходит в рамках сложной драматургии: политик ощущает себя одновременно представителем власти (государства) и представителем воли большинства избирателей. Две эти часто не совпадающие идентичности пересекаются с его личными мотивами и целями в сфере политики. В точке разрыва таится опасный провал в

архаику авторитарных решений, от которых остается один шаг до тоталитарной власти. Австрийский психолог В. Франкл писал о том, что человек открыт миру, и этим он отличается от животных, которые привязаны к среде обитания. Напротив, человеческое существование характеризуется преодолением границ среды обитания: человек стремится и выходит за ее пределы. Точно так же в своей политической позиции на переговорах человек никогда не бывает ограничен лишь рамками социокультурной идентичности. Политическая психология обозначает несколько векторов, влияющих на выбор политической позиции на политических переговорах: исторический, социологический и индивидуально-психологический. Все они способны особым образом преломляться сквозь призму социокультурной идентичности. Многие исследователи придают особое значение исторической ситуации, интерпретируя позицию политических лидеров на переговорах. Действительно, политическое поведение каждого политика в той или иной мере представляет собой реакцию на происходящие события в обществе и мире.

Немецкий психолог Э. Фромм, исследовавший истоки авторитаризма, подчеркивал, что в условиях угрозы военного нападения или в ситуации затяжного экономического кризиса большинство политиков склоняется в пользу авторитарных политических решений и способны поддержать авторитарных лидеров. И это вполне объяснимо: в дисциплине и твердой власти человек ищет защиты от надвигающейся угрозы. При этом каждый политик выбирает свою позицию, ориентируясь на исторически сложившиеся политические организации, партии и институты.

Итак, интерпретация политической позиции партнера по переговорам требует учета множества взаимосвязанных факторов, ведущим среди которых выступает социокультурная идентичность. Она оказывается в качестве особой оптики – исторического, социологического и индивидуально-психологического. Поэтому объяснить феномен политического поведения на переговорах человека другой культуры невозможно, пока мы не подберем «ключ» к интерпретации его социокультурной идентичности. Для этого необходимо вплотную подойти к анализу такого сложного феномена, как национальный характер.

Ни одно драматическое событие политической истории XX в. мы не сможем объяснить сухим языком позитивистской науки. Почему вооруженная самой современной техникой американская армия потерпела поражение в маленьком Вьетнаме? Как объяснить победу Хомейни над могущественным иранским шахом? Почему Канада не может решить – проблему Квебека?

В каждой цивилизации от века к веку жрецы, законодатели мудрецы, святые, еретики и революционеры, мистики, аскеты пророки демонстрировали личным примером возможность моральной позиции в политике. Очень часто они тем самым спасали свою культуру от гибели, утверждая: каждый человек способен на такой политический поступок, если будет следовать внутренней установке души.

Французский психолог Серж Московичи справедливо заметил, что в национальном характере нет ничего героического или филантропического, напротив он обеспечивает своего рода гигиену духа и вообще существование цивилизации. Мы узнаем его по тональности жизни и по императиву: «Никогда не допускать недопустимого». Только национальный характер способен объяснить нам, на что в конечном счете способен человек политический в каждой цивилизации, что он ответит, когда судьба рукой истории постучится в его дверь, как поведет себя в критической ситуации на политических переговорах. Но как расшифровать национальный характер?

Нет большего контраста, чем противоположность холодных идеалов политической науки и ярких национальных характеров, созданных в процессе человеческой истории. Если мы хотим принять во внимание эмоциональный мир характера, мы не должны идти по пути теоретических идеалов знания и истины, разумности и здравого смысла. Чтобы понять политический характер другого, мы должны изучить способы его целостного выражения, его особый архетип.

Религиозная этика стимулирует у всех членов общества стремление следовать определенным канонам общественного поведения уже сознательно, апеллируя к свободе нравственного выбора, что еще сильнее укрепляет архетип национального характера. И поскольку вера, как заметил французский социолог Эмиль Дюркгейм, это прежде всего жизнь,

энтузиазм, экзальтация всей психической активности, способ поднять человека над самим собой, то именно религия особенно сильно стимулирует энергетику национального характера.

Тем самым религия активно выполняет политические функции на службе государству: не зря во многих цивилизациях именно религии становились государственной идеологией, освящая установленный политический порядок. Религиозная этика стала составной частью этики национального характера во всех цивилизациях, что доказал Макс Вебер в его сравнительном анализе мировых религий.

Мы знаем теперь, что благодаря протестантской этике на Западе возник особый тип политического характера, воплотившийся в морали индивидуалистического успеха, создавшей дух капиталистического общества и модель либеральной демократии. В конфуцианско-буддистской цивилизации на основе этики конфуцианского долга возник другой тип политического характера – взаимозависимого индивидуализма, позволивший создать модель восточной политической демократии и особый тип конфуцианского капитализма.

Для понимания архетипических различий национальных характеров представляет также интерес концепция Вальтера Шубарта о четырех социокультурных архетипах, которые создают гармонического, героического, аскетического и мессианского человека. Они отличаются друг от друга той жизненной установкой, которую принимают люди разных цивилизаций по отношению ко Вселенной.

Гармоничный человек воспринимает Вселенную как космос, одушевленный внутренней гармонией и не подлежащий человеческому управлению, а долженствующий быть созерцаемым.

Так чувствовали древние китайцы, но и сегодня такое отношение ко Вселенной во многом свойственно людям в конфуцианско-буддистской цивилизации.

Аскетический человек переносит бытие как заблуждение, от которого он пытается скрыться в мистической сути вещей. Он не считает возможным посягать на скрытую для человеческого разума космическую суть порядка вещей. Так чувствуют люди в индо-буддистской цивилизации. Если гармонический человек считает замысел истории исполненным, то аскетический исключает даже возможность когда-либо увидеть это исполнение.

Героический человек, напротив, видит в мире хаос, который именно он должен упорядочить своей преобразующей силой. Здесь все в движении. Миру ставятся цели, определяемые самим человеком. Этот человек не взывает смиренно к небу, а полный жажды власти, враждебными глазами завоевателя смотрит вниз, на землю.

С помощью техники – холодного орудийного мира он создает искусственный космос, который должен превзойти естественный по своим «рациональным» параметрам. «Секуляризация – его судьба, героизм – его жизнеощущение, трагизм – его конец». Таким был древний Рим, таковы сегодня германские и романские народы западной цивилизации.

Наконец, мессианский человек ощущает себя призванным создать на земле более возвышенный, божественный порядок, образ которого он скрыто носит в себе. Он стремится создать вокруг себя ту гармонию, которую чувствует внутри себя. Но как же относится к миру человек исламской культуры? Четыре социокультурных архетипа Вальтера Шубарта – согласие с миром (гармония), господство над миром (героизм), бегство от мира (аскетизм), освящение мира (мессианство) – это не его просимволы духовной культуры. На наш взгляд, человек ислама – это прежде всего имперский человек, призванный утверждать империю в мире. Он стремится к самоутверждению через создание военного лагеря, через укрепление сильного государства, но при этом не вмешивается в космическую гармонию, напротив, обращается к ней за помощью. Завоевание – его удел, но это завоевание происходит в форме «священной войны», оно освящено религией, и этим имперский человек отличается от героического, который не взывает смиренно к небу.

Итак, пять современных цивилизаций, пять социокультурных миров, пять типов человеческого мироощущения сформировали базовые архетипы национальных характеров в современном мире. На политических переговорах эти национальные характеры проявляются прежде всего в особенностях национального стиля ведения переговоров.